

Поэт Андрей Румянцев написал документальное повествование о студенческих годах Александра Вампилова. Это не только воспоминания автора о совместной учебе с будущим драматургом в одной студенческой группе Иркутского университета, о семнадцатилетнем знакомстве с ним. Это и интересные сведения о творческой истории некоторых произведений А. Вампилова, особенно ранних, и новые документы, относящиеся к судьбе писателя. Один из таких документов лег в основу главы, которую мы предлагаем вниманию читателей.

Андрей РУМЯНЦЕВ

ПИСЬМО

ИЗ 37-ГО ГОДА

Его написал отец драматурга

Александра Вампилова

Валентин Никитин,

погибший в сталинском лагере

какими путями оно попало к Владимиру Никитичу. Почему черновик этого послания не забрали при обыске, кто передал его брату арестованного? Во всяком случае сам Владимир Никитич молчал о письме до самой смерти. Он не открыл эту тайну даже в конце пятидесятых, когда было получено официальное уведомление, что Валентин Никитич реабилитирован как невинно осужденный. Может быть, не хотел бередить рану. И лишь после кончины Владимира Никитича в 1988 году племянницы обнаружили в его архиве этот документ.

Вот он с незначительными сокращениями.

«Не только прошу, но и взываю внимательно прочитать настоящее письмо... Пишу в весьма плохом нервном состоянии, так как с часу на час жду ареста... Не самый арест, в конце концов, страшно, а страшно то, что меня, семнадцать лет честно проработавшего в советской школе, собираются сделать жертвой гнусной клеветы.

В начале нынешнего учебного года я перевелся из Кутуликской средней школы в Аларскую. Причем районные организации меня, что называется, почти насильно назначили «на один месяц» заведующим учебной частью.

Работать временно исполняющим должность заведующего учебной частью как следует я не мог, так как, во-первых, имел 38 недельных уроков и был руководителем одного класса, во-вторых, два раза болел за первую четверть, в-третьих, два раза ездил в районный центр с просьбой освободить от обязанностей завуча, в-четвертых, в колллективе школы создавалась ненормальная обстановка для моей работы в результате самой грубой и беспринципной склоки, поднятой против меня преподавателем бурят-монгольского языка Д. В. Зурбановым.

Зурбанов молодой человек, лет двадцати трех, как он сам говорит, сын бедняка, считается активистом в улусе, много пишет заметок в газеты, считается неплохим преподавателем своего предмета... До последнего времени Зур-

банов пользовался некоторым авторитетом перед районными организациями, что объяснялось отчасти тем, что он на всех совещаниях, конференциях умел, так сказать, эффектно выступать, и отчасти тем, что он «разоблачал»... Большинство этих «разоблачений» Зурбанова шло задним числом; он начинал «разоблачать» кое-кого, когда положение этих последних определялось к худшему или когда портились взаимоотношения с последними.

Мое назначение в данную школу не входило в планы Зурбанова. Он сразу почувствовал, что мое присутствие в школе может помешать его «влиянию», «авторитету», короче, его демагогии... так как он знал, что я сумею вести самостоятельную линию... И вот с первых дней он сделал попытку командовать мной и кончил тем, что выдвинул против меня ряд гнусных клеветнических обвинений.

Обвиняет меня в том, что я в 1920 году был в рядах группы аларских левых эсеров, в 1918 году принимал участие в известном контрреволюционном «салтыковском деле».

Моя «эсеровщина» в следующем. В 1920 году летом я готовился поступать в Иркутский университет, репетировался у студента бывшего Петербургского психоневрологического института М. Забанова. Этот Забанов сколачивал группу левых эсеров, но входит в эту группу я отказался, что выразилось в том, что я категорически отказался подписать составленную Забановым так называемую «политическую платформу группы аларских левых эсеров» и вскоре с этим Забановым окончательно порвал. Он умер в 1928 или 1929 году в Ленинграде...

В 1918 году в известном контрреволюционном «салтыковском деле» я действительно принимал активное участие, но только не на стороне Салтыкова, а на стороне народа вместе с большевиками С. Николаевым и Е. Манзановым... Это могут подтвердить все местные, могут подтвердить партийцы...

Вчера на нашем педсовещании гово-

рили о наличии в Аларском аймаке контрреволюционной организации, производящей вредительство в сельском хозяйстве. Зурбанов и К⁰ склонны обвинить меня во вредительстве в школе. Дней десять тому назад появились слухи о предстоящем моем аресте. Я не сомневаюсь, что слухи эти с провокационной целью пущены теми же Зурбановым и К⁰.

Таким образом, в недалеком будущем меня ожидает в худшем случае арест, а в лучшем — переброска среди зимы с маленькими детьми (в том числе грудной) в другую школу. Повторяю, не самый арест страшен, страшно то, что я могу сделаться жертвой злостных происков такого человека, как Зурбанов.

Александр Вампилов

Я не заслуживаю политической смерти, так как с самых молодых лет я был известным общественно-политическим настроением. Мое кратковременное яхшанье с Забановым было случайно. Я все семнадцать лет честно проработал в школе, работал так, как мог, за что пользовался любовью и признательностью своих учащихся.

Надеюсь, что советская общественность разберется в моем деле.

С. В. Этот крик о помощи не был услышан. Папу арестовали...

А. Р. Как это произошло?

С. В. Хочу опять сказать о неточностях, которые допускают некоторые авторы. Пишут, что отец Александра Вампилова был арестован в 1937 году в Кутулике. А дело происходило в Алари в январе 1938 года. Как раз моя старшая сестра Ирина оказалась у наших, в доме тети Таси. Вдруг появились трое. Из ГПУ. Они сделали обыск... Обыск был произведен самым безобразным образом. Все вещи были раскиданы, фотокарточки — разорваны на части. Папу посадили в сани, увезли. Видимо, ночь его держали в сельсовете. А назавтра я... я была ученицей начальных классов... своими глазами видела, как арестованных, в том числе и моего папу, посадили в открытую машину. Вернее, не посадили... Все арестованные стояли в кузове машины. Буквально вприпрыжку друг к другу. Не было места, чтобы втиснуть еще кого-то. Я смотрела... это был мой последний взгляд на отца... Ему дали десять лет без права переписки. Мы не имели возможности ни отправить передачу, ни написать даже краткого письма.

Позже вернулся наш дальний родственник, который вместе с папой был на Колыме. И он рассказал о том, как вел себя на допросах мой отец. Сейчас всем известно, как пытали, как истязали арестованных. Родственник признавался: «Чтобы меня лишней раз не били, я все подписывал. А Валентин отказывался. Говорил: «Почему я должен подписывать лживые показания, сфабрикованные кем-то?» Отец не подписал ни одного документа! И я думаю, он погиб. Он был реабилитирован в 1956 году. Помню, я училась в аспирантуре, когда пришел документ о реабилитации. Нам сообщили, что папа якобы умер от воспаления легких на Колыме в августе 1941 года. Но я сомневаюсь, что это правда...

А МОЕЙ памяти разговор с Саней об отце заходил не раз. И всегда Вампилов отвечал на вопросы односложно. Вероятно, он и сам не знал подробностей трагической истории Валентина Никитича. Но для меня было ясно, что жестокая не-

справедливость, проявленная к отцу, сиротство, совпавшее к тому же с тяжкими годами войны, людское отчуждение, окружавшее семью «врага народа», — все это оказало влияние на нравственное формирование А. Вампилова, на его характер. Обостренное чувство справедливости, открытость его души для участия и добра имеют истоки там, в бедственных днях. Как-то еще в студенчестве Саня сказал вскользь о тех, кто вдруг с опаской отвернулся от их «неприкасаемой» семьи, — в словах его сквозили если не осуждение и обида, то горькое знание. По-моему, душевный опыт, рано приобретенный им, придавал его зрению, обращенному на людей и жизнь, особую зоркость.

С презрительной иронией смотрел он на «хозяев жизни». Мне не забыть, как однажды Саня саркастически в двух-трех словах описал кутуликского «князька», который любил напоминать, кто он такой, и показывать свое могущество. Запомнилось вампиловское: «Красовался перед оборванными и голодными людьми».

В конце шестидесятых осенним днем мы стояли на улице в центре Иркутска, и Саня внешне спокойно, но, кажется, кипев в душе, говорил: «Ты посмотри, какое непотребство! Люди по сто лет ждут квартир... ютятся в «курятниках»... а эти строят для себя хоромы на глазах всего города. — И закончил, как клеймо поставил: — Да, особая каста!»

Драматург Александр Вампилов показал зрителю приспособленчество Репниковых, трусость Шамановых, духовное одичание Зиловых — это то, что система посеяла и взрастила в человеческой душе. И не удивительно, что идеологический дозор системы бдительно охранял театры от такого драматурга. Но теперь, поставив рядом две судьбы — сына и отца, думаешь уже о равно преступном отношении режима к тому и другому. Вы прочитали послание отца, взывавшего к справедливости, — перечитайте теперь горчайшие письма сына, опубликованные в журнале «Новый мир» в 1987 году, и, может быть, неожиданно для себя увидите, какими близкими, схожими оказались их судьбы!

Скромный человек, Валентин Никитич вынужден был сказать своим предполагаемым защитникам, как его ценили ребята и их родители до его перехода в новую школу: «...имею самые лучшие отзывы о своей работе. Как сообщают представители района... население Кутулика и учащиеся и теперь просят назначить меня обратно в Кутуликскую школу». Он объяснил и причины своего переезда в Аларь — они диктовались ищущей, творческой натурой: «Я хотел работать в национальной школе, так как интересуюсь постановкой русского языка в бурятской школе. За многие годы моей практики у меня накопился некоторый опыт, который не без успеха практикую теперь в своей работе. Опыт мой в свое время был рассмотрен наркомпросом Бурят-Монгольской республики и одобрен».

Талантливо, в нескольких фразах, нарисовал Валентин Никитич своего недоброжелателя, мелкого демагога и доносчика, из тех, кого в изобилии плодил кровавый режим.

Но — тщетно. Не услышан, брошен в лагерь, убит.

А сын, драматург, как теперь говорят, опередивший свое время? Послушаем его: «Ко многому я привык, но такого оборота все-таки не ожидал. Претензии, которые они предъявляют «Старшему сыну», надуманы специально, и, как видно, речь идет о заведомом и теперь уже планомерном отношении ко всем моим пьесам в целом». «Что именно управление хочет от автора? Да сущие пустяки: 1. Чтобы пьеса ни с чего не начиналась. 2. Чтобы пьеса ничем не заканчивалась. Другими словами, никакой пьесы от автора не требуется». «Похоже на похороны... Печально... Нет, все это бесцельно... Да ладно, ладно. Никто не заставляет меня писать пьесы, и, слава богу, не поздно еще на это дело плюнуть. Есть у меня такая возможность».

Человеку гордому, к тому же сознательному, что драматический писатель состоял в нем, — каково было Александру Вампилову умолять руководителя семинара, в котором он недавно занимался: «Вы нянчили обе пьесы, вы всегда были ко мне добры. Заступитесь!»

Нет, что ни говорите, сын тоже, как и отец, оказался зарешеченным. Он не мог выйти к людям со своим выстраданным словом; клетка, сооруженная запретами, не стугила его физически, но она изматывала силы, мешала работать, отнимала надежду...

ИРКУТСК